

Азиз Ниязи

ТАДЖИКИСТАН: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНФЛИКТА (1990-е гг.)

Таджикский конфликт многоуровневый. Его глубинные причины лежат в плоскости острейшей социально-экологической дисгармонии, вызванной разрушительными последствиями ускоренной модернизации (1).

В данной статье не ставилось задачи исследовать весь комплекс проблем, связанных с изменением окружающей среды и разрушением традиционного уклада жизни в Таджикистане. Анализ социально-экологических процессов и альтернативная стратегия развития - это специальные темы исследования. Следует только учесть, что небывалая острота внутритаджикского конфликта была вызвана совпадением во времени и наложением друг на друга экономического, политического и экологического кризисов. Последний сыграл главенствующую роль. Конфликт развивался на разных уровнях: таджики - нетаджики; город - село; индустриальное - традиционное общество; горные - долинные, северные - южные таджики; вражда регионов. Но суть сводилась к борьбе за выживание на фоне демографического взрыва, катастрофической нехватки водно-земельных и соответственно продовольственных ресурсов. Надеяться на урегулирование конфликта военно-политическими методами более чем наивно. Оно должно идти в комплексе, где политика и экономика служили бы гармонизации природы и общества. Индустриальная атака на традиционное общество привела к обратному результату - социально-экономической и культурной катастрофе.

Развитие Таджикистана отброшено на десятилетия назад. Итоги вспыхнувшей там в 1992 г. войны таковы: погибло около 100 тыс. человек; 900 тыс. стали беженцами и вынужденными переселенцами; разрушено более 150 тыс. домов; эмигрировала подавляющая часть интеллектуальной элиты; общий ущерб от конфликта исчисляется в 7 млрд. американских долларов; внешний долг республики превысил 800 млн. долларов. Продолжается резкий экономический спад, растет безработица (2). В сентябре 1994 г. руководство Республики Таджикистан обратилось в ООН с просьбой рассмотреть вопрос о предоставлении ей статуса наименее развитой страны. Согласно опубликованному ООН в 1994 г. докладу "Экономическое развитие", Таджикистан по качеству жизни населения опустился на 88-е место в мире, на самую низкую ступень среди всех бывших республик СССР (3).

Маховик террора и насилия в Таджикистане раскручивался всеми противоборствующими сторонами с роковой одержимостью и еще долго будут тлеть на этой земле угли мести.

Конфликт носит признаки идейно-политического противостояния новых общественно-политических образований с наследниками посткоммунистической, партийно-государственной системы. Но в ходе него уходили в сторону и идеология и партийная принадлежность его участников, уступая место региональным и клановым интересам. Они в одном случае совпадали с амбициями нового поколения политиков, а в другом - с попыткой отстоять былую систему. Переплетались старые региональные и новые идейно-политические противоречия.

Начиная с 1990 г. пирамиду власти в Таджикистане начала разрушать сверху сама разрозненная по земляческому (местническому) признаку номенклатура. К раскачиванию ее подключилась и оппозиция. В итоге к середине 1992 г. при полном параличе центральной власти государство раздробилось на "удельные княжества".

Регионализм продолжает довлеть в общественной жизни республики, определяет поведение и политиков, и масс (4). Междоусобица обострила присущее таджикам субэтническое самосознание. Внутренняя дробность таджикского этноса обуславливает неизбежное присутствие регионального фактора в политике. Сильное чувство принадлежности таджиков к самостоятельным локальным субкультурам служит эффективным инструментом в руках алчущих власти, препятствует консолидации общества.

Специфика регионов

Таджики - это и единый народ, и совокупность локально-территориальных общностей. Этнографы выделяют до шести уровней таких общностей: от жителей соседних деревень до горных и долинных, северных и южных таджиков.

Административно-территориальное деление Таджикистана в советский период на области и районы лишь зафиксировало сложившиеся к началу XX в. территориальные объединения с элементами государственности. Основная граница пролегла тогда между Севером и Югом. В 1886 г. Север в пределах современных территорий Ленинабадской области и Мургабского района был присоединен к Российской империи. Здесь, в российском Туркестане, быстрее развивались промышленность, сельское хозяйство, системы образования и здравоохранения. Центр северного Таджикистана г. Худжанд (Ходжент) с прилегающими к нему землями входил в единый культурный ареал влияния Ферганы, Самарканда и Бухары. Древняя городская культура, психологическая "покладистость" этнически размытых северян предопределили их открытость внешнему миру.

Юг, остававшийся в составе Восточной Бухары, представлял менее развитую часть. Разделенные горными хребтами и поделенные на бекства (Гиссарское, Кулябское, Каратегинское, Курган-Тюбинское и др.), южные таджики жили более самостоятельно и замкнуто. Влияние городской культуры здесь было не столь велико, доминировала крестьянская общинная традиция. Суровая жизнь в горах формировала твердость характера. Горец был всегда более прямолинеен и наивен, чем его долинный собрат. В то же время в отличие от равнинных, южные горные таджики четче раздроблены на локальные субкультуры - каратегинскую (гармскую), кулябскую, бадахшанскую и др.

Социально-экономическая и культурная стратификация таджикского общества на уровне крупных регионов сохраняется и ныне. Выделим основные территориально-административные образования, противоречия и интересы которых обуславливают специфику конфликта в республике (5).

До последнего времени привилегированное положение занимала *Ленинабадская область*, расположенная на севере страны. Ее политическая, торговая и хозяйственная элита десятилетиями лидировала в общественной жизни (6). Ленинабадцы теснее всех были связаны с Москвой. И в наше время многие эффективные экономические и отчасти политические нити связей со странами СНГ остаются в их руках. Северяне на государственном и частном уровне до недавнего времени контролировали международное экономическое сотрудничество с Западом и Востоком, серьезно влияли на выработку внешней политики.

В социально-экономическом плане Север - наиболее развитая часть Таджикистана. Уровень жизни здесь был и остается выше, чем в среднем по республике.

В области выращиваются хлопок, табак. Широкомасштабные боевые действия не затронули расположенный здесь крупнейший в республике промышленный сектор. Значительная часть промышленных предприятий северного региона замкнута на производственные объединения военно-промышленного комплекса (ВПК) стран СНГ. В области добывают и перерабатывают редкоземельные и драгоценные металлы.

Она лидирует по численности населения. Согласно переписи населения 1989 г., в ней проживало 1 588,1 тыс. человек, в 1994 г. - свыше 1 800 тыс.

Север республики отделен от остальной части горами Зеравшанского хребта и соединен со столицей лишь автотрассой. Такая естественная географическая обособленность делает область защищенной от расползания военного конфликта на ее территорию. Относительные политическая и экономическая стабильность привлекают зарубежный капитал, в частности из США, Израиля, Канады, Великобритании. Из стран СНГ экономические связи развиваются в первую очередь с Россией и Узбекистаном.

Тесная связь с общим хозяйственным комплексом стран постсоветского содружества определяет особое положение области и ее элиты. Ленинабадцы, несмотря на частичное отстранение их с 1994 г. от кормила власти, будут играть решающую роль в выработке экономических решений и отчасти политического курса. В их руках остаются важнейшие козыри номенклатурных игр и экономические рычаги давления на союзников и оппонентов. Ленинабадская область -

единственный регион, реально способный к самостоятельному развитию в случае раскола республики. Недаром в моменты политических кризисов 1992, 1993 и 1994 гг. местное руководство прорабатывало варианты самой широкой автономии для области вплоть до полного выхода из состава Таджикистана.

Кулябская зона Хатлонской области (бывшая Кулябская область), ставшая в 1991 г. политическим союзником Ленинабадской области, представляет собой преимущественно земледельческий район. В промышленности занято только 7,1% от общей численности занятых в народном хозяйстве.

Разработанный в 80-е гг. государственный план комплексного развития Кулябской области предусматривал ускоренную индустриализацию этого южного региона. Он считается наиболее обеспеченным в республике топливными ресурсами. Помимо угля, нефти, газа этот край богат золотом, асбестом, солью, строительным камнем. Но добыча полезных ископаемых невозможна без поддержки промышленного Севера.

К тому же интересы кулябцев и ленинабадцев пересекаются в хлопковой индустрии. Значительная часть "белого золота" идет на экспорт и на нужды ВПК СНГ. Кулябская зона - его крупнейший поставщик, а экспортно-импортные операции до последнего времени контролировали преимущественно ленинабадцы. Согласно схеме развития и размещения производительных сил Таджикистана на период до 2005 г., посевы хлопка в кулябском регионе будут значительно увеличены за счет орошения крупного массива земель в Дангаринской степи.

Развитие строительства, хлопководства, добычи полезных ископаемых связывало политические и экономические интересы ленинабадской и кулябской элит, сулило немалые прибыли чиновникам, предпринимателям, зарождающейся бюрократической буржуазии.

В то же время социально-экономическая ситуация в области на рубеже 80-х - 90-х гг. ухудшалась. По уровню жизни Куляб значительно отставал от других регионов. Высокими темпами шел естественный прирост населения. За десять лет, с 1979 по 1989 гг. оно увеличилось на 41% и составляло 621,4 тыс. человек. Область давала самый низкий показатель участия трудовых ресурсов в общественном производстве и учебе с отрывом от производства. Высокие темпы прироста трудоспособного населения постоянно опережали уровень его занятости. В начале 1993 г. общее число безработных превышало 80 тыс. человек.

Одновременно обострялись серьезные экологические проблемы, связанные с загрязнением пресной воды, выходом из оборота нерационально используемых земель. Росла социальная напряженность.

Гиссарская зона, примыкающая к столице и тянущаяся от нее на запад к границе Узбекистана, - относительно развитая в промышленном отношении часть Таджикистана. Ее развитие шло в увязке с планами развития г. Душанбе и крупных населенных пунктов, тяготеющих к нему. В Гиссарской долине, в г. Турсунзаде (бывший г. Регар), возведен промышленный гигант - Таджикский алюминиевый завод. Наряду с хлопком алюминий - главный источник поступления твердой валюты в республику. Им расплачиваются за ввозимое продовольствие и топливо. Долина дает хлопок, снабжает столицу сельхозпродукцией. Душанбе и близлежащие районы привязаны к ее агропромышленному комплексу. На уровне мелкотоварной, частной и кооперативной торговли гиссарцы составляли конкуренцию на внутреннем рынке для жителей Гармской группы районов.

Традиционно центральная власть покровительствовала Гиссару. Географическая близость Гиссарской долины и Ленинабадской области сближала их интересы. С начала 90-х гг. возник неофициальный ленинабадско-гиссарский финансовый альянс, представленный руководителями государственных, полугосударственных и частных банков. Тогда же гиссарцы, ощутившие экономическое влияние и потенциал своего региона, начали претендовать на более широкое участие в выработке политических и экономических решений на высшем уровне.

В ином положении находилась *Гармская группа районов*, или Гармская зона, на востоке республики. В нее входят районы Гарма, Каратегина (Комсомолабада), Таджикабада, Файзабада, Оби-Гарма, Джиргиталая. Зона бедна выявленными месторождениями полезных ископаемых, хлопок не возделывается. Благодаря обилию воды и мягкому климату население здесь традиционно специализировалось на выращивании овощей, фруктов, масличных и зерновых культур. На обширных пастбищах выпасали не только местные стада, но и скот из других районов республики. Процветала мелкая торговля, в основном на внутреннем рынке. Гарм давал значительную долю сельхозпродукции для республики. Высокие урожаи и торговля обеспечивали относительно безбедную жизнь. Постепенно, накопив денег, гармцы все активнее начали проникать в сферу государственной торговли и распределения. Во второй половине 80-х гг. началось вытеснение ими из торговых структур традиционно занимавших эту нишу узбеков и долинных таджиков (ленинабадских, гиссарских, ферганских, самаркандских, бухарских и др.).

В начале 90-х гг. население Гармской зоны превышало 500 тыс. человек. Его естественный прирост был наиболее высоким по республике. С 1979 по 1989 г. оно увеличилось на 42%. Миграционное сальдо оставалось положительным. Свыше 95% таджиков гармского региона - сельские жители. Здесь крепки были общинно-патриархальные отношения и связи, чтились вековые устои. Местное население отличалось особой набожностью.

Планы руководства республики в этом регионе были связаны прежде всего со строительством крупнейшей в Таджикистане Рогунской ГЭС. Она одна из немногих на территории бывшего СССР, в проектировке и строительстве которой принимал участие ВПК. Однако подавляющей части местной номенклатуры, ни тем более крестьянам возведение рогунского гиганта не давало никаких благ. Наоборот, в зону затопления попадали плодородные земли, более 60 кишлаков Каратегинского ущелья. Многих планировалось переселить в засушливую степь Дангары, осваиваемую под выращивание хлопка. Фактор Рогуна обострил отношения горцев гармской группы районов с северянами и их кулябскими союзниками (7).

В крайне тяжелом положении находилась юго-восточная, соседствующая с Гармской зоной *Горно-Бадахшанская автономная область* (ГБАО). Среди населения Бадахшана самый высокий уровень безработицы и самый низкий уровень жизни по основным показателям. К 1992 г. число безработных там приближалось к 40 тыс., в то время как проживало около 175 тыс. человек.

При этом в последнее десятилетие среди бадахшанцев отмечался наиболее высокий по республике процент лиц с высшим и средним специальным образованием. В родном краю их знания были невостребованными и значительная часть молодежи оставалась после учебы в Душанбе, находила работу в близлежащем к столице Ленинском районе, в Гиссарской долине, Курган-Тюбинской области. Постепенно выходцы из Бадахшана пробивались в сферы образования, культуры, науки, транспорта, отчасти торговли. С 1990 г. прослеживалось весьма впечатляющее пополнение ими органов Министерства внутренних дел (милиции). К 1992 г. сложилась такая ситуация, когда за пределами ГБАО проживало около 180 тыс. бадахшанцев - больше, чем в самой области.

Население ГБАО составляло 3,1% от всех жителей Таджикистана, но на развитие области направлялось лишь 1,8% от централизованных капитальных вложений. Бадахшан не в состоянии обеспечить себя необходимыми продуктами и товарами. ГБАО всегда находилась на республиканских дотациях.

Горный край богат полезными ископаемыми, в том числе золотом, серебром, металлами платиновой группы, ураном, вольфрамом, молибденом, ртутью, сурьмой и другими редкими металлами. Однако разработка залежей промышленным способом практически не ведется.

За последние годы было принято свыше 20 правительственных постановлений по социально-экономическому развитию ГБАО, однако ни одно из них не было реализовано. Поэтому оснований для недовольства центральными властями у жителей области накопилось более чем достаточно.

Кроме того, сказывается заметная культурно-психологическая обособленность бадахшанцев-исмаилитов. Они составляют значительную часть жителей Памира и говорят на диалектах, не понятных остальным таджикам, по этническому типу сильно выделяются среди них (8).

Несмотря на языковые различия, исмаилиты Горного Бадахшана представляют монолитную, сцементированную этнорелигиозной принадлежностью общину, наподобие сикхов Индии. Характерна их самоидентификация - "помири", т. е. памирцы. Значительная их часть не признает себя таджиками, другие считают, что именно они "чистые" таджики, избежавшие прилива тюркской и арабской крови. В массовом сознании таджиков за пределами Бадахшана, а также узбеков и русскоязычных памирцы - не таджики.

Исмаилиты Памира - самая сплоченная часть населения Таджикистана. Сильное чувство общинной солидарности базируется на традиционной структуре исмаилитской организации и на широко разветвленных родственных связях жителей разных районов ГБАО. Крепки семейно-клановые узы. Примечательно, что область стоит на первом месте в республике по количеству сложных многопоколенных семей. Если на долю таковых в республике в последнее десятилетие приходилось в целом 12,2%, то в ГБАО - 21%. Недаром в Таджикистане говорят, что все памирцы - родственники.

Благодаря этому Горный Бадахшан резко выделяется на фоне остальных регионов в плане возможностей эффективной политической мобилизации масс. Велика здесь возможность развития сепаратистских тенденций.

Весной 1992 г. памирская община столицы проявила мощную сплоченность и активность в поддержке своих лидеров. Бадахшан и Гарм объединились против альянса кулябцев, ленинабадцев и гиссарцев. Это сближение основывалось на временной общности экономических и политических интересов, отсутствии острой конкуренции в различных сферах занятости.

И наконец, - пестрая в этническом и субэтническом плане Курган-Тюбинская зона Хатлонской области (бывшая Курган-Тюбинская область). Помимо местных таджиков, здесь проживало немало переселенцев из других регионов республики, в частности, из кулябского и гармского.

Здесь же - в Вахшской долине - было немало узбеков и таджиков, переселившихся в свое время из Сурхандарьинской, Самаркандской и Ферганской областей Узбекистана. Веками проживали тюркские племена локай, кунграт, катаган, дурмен, юз и другие. Жили также уйгуры, туркмены, арабы, белуджи, русские, немцы, белорусы, украинцы, осетины и другие народы и народности. Численность населения Курган-Тюбинской области, согласно переписи 1989 г., составляла 1 046,6 тыс., т.е. более 20% состава всего населения республики.

В области производилась примерно 1/6 часть валового общественного продукта и национального дохода республики, 14% всей товарной промышленной продукции Таджикистана. Высокими темпами развивалась здесь химическая, нефтехимическая и строительная промышленность, электроэнергетика. Особое внимание уделялось развитию отраслей хлопкового комплекса: в области собиралась половина объема хлопка-сырца, в том числе и ценных тонковолокнистых сортов, и производилось около 40% хлопка-волокна всей республики.

Поспешное, порой непродуманное развитие индустриального и хлопкового комплексов Курган-Тюбинской области обостряло социальную напряженность. Условия жизни во многих ее районах становились крайне тяжелыми. На хлопковых полях нещадно эксплуатировался почти дармовой женский и детский труд.

На фоне демографического взрыва нарушалось экологическое равновесие. Все больше ощущался дефицит водных и земельных ресурсов. Ценные сельскохозяйственные земли деградировали. Экологами отмечались недопустимые нормы загрязнения атмосферы. Вахшским азотно-туковым заводом было отравлено единственное в Вахшской долине уникальное месторождение подземных

вод, предназначенные для снабжения населенных пунктов долины. Невыносимую нагрузку на окружающую среду начали оказывать крупные животноводческие комплексы. С ростом больших поселков и плотности населения в них (во многих она доходила от 500 до 900 человек на кв. км) резко менялось естественное состояние окружающей среды, ухудшались санитарные условия, возрастал уровень заболеваемости. В области росла преступность. Обстановка усугублялась расположенными здесь исправительно-трудовыми колониями и вольными поселениями для заключенных.

Во второй половине 80-х - начале 90-х гг. в области постоянно вспыхивали локальные конфликты как между таджиками и нетаджиками, так и между самими таджиками из различных регионов республики. Шла острая номенклатурная борьба преимущественно между узбеками, гармскими и кулябскими таджиками за административно-хозяйственные посты всех уровней. Здесь, в ускоренно индустриализированном регионе с его этнической и субэтнической мозаичностью, в первую очередь вызревали те нарывы, которые позже покрыли тело республики. Региональные противоречия и интересы выплескивались в местнической борьбе районного и областного начальства. Земляческие нити внутрорегиональных номенклатурных игр тянулись в центральный аппарат власти.

От номенклатурных игр к гражданской войне

Если внимательно проследить за кадровыми перестановками в верхах республики с конца 80-х гг. до настоящего времени, нетрудно заметить, что друг друга сменяли лица в основном из одной и той же номенклатурной обоймы. Конечно, сама по себе номенклатурная власть в постсоветских государствах явление повсеместное, естественное и в определенной степени положительное. Но вот в среднеазиатских республиках, особенно в Таджикистане, этот слой имеет обыкновение объединяться или, напротив, распадаться по закону земляческого тяготения.

Таджикская трагедия начиналась с интенсификации упомянутого закона, с обострения местнической болезни в государственном аппарате. Основная невидимая борьба разворачивалась в кабинетах столичного и уездного начальства. Здесь заключались номенклатурные альянсы, распределялись роли, решалась судьба противников. Враг врага становился другом, в цене были личная преданность и земляческие узы. Складывались правила политической игры, в которых идеология не играла существенной роли. Руководство различных регионов стремилось иметь покровителей-земляков в высших эшелонах власти, что влияло не только на продвижение по службе и доходы, но и на экономическое развитие регионов.

С середины 80-х гг. местническая борьба в административно-хозяйственном аппарате Таджикистана усиливалась пропорционально ослаблению контроля из Москвы. Главная линия раскола поначалу обозначилась между модернизированным, промышленно развитым Севером и традиционно более аграрным Югом страны (9).

Как уже упоминалось, северяне - выходцы из Ленинабадской области - десятилетиями занимали ключевые руководящие посты. Ими, как правило, были первые секретари компартии, секретари по идеологии и экономике, многие высшие должностные лица областных и районных комитетов партии. Они контролировали внешнюю политику, а также репрессивные органы. К примеру, в КГБ республики еще до недавнего времени действовало предписание ограничивать пополнение рядов чекистов горными таджиками (10).

В то же время во второй половине 80-х гг. возрос приток в административно-хозяйственный аппарат южных кадров. Во многом это оказалось связанным с ростом уровня образования жителей горных районов.

Общая политическая напряженность, вызванная горбачевской перестройкой, с одной стороны, расшатала монолитность ленинабадского блока, а с другой - породила честолюбивые надежды среди южан. Все явственнее проявлялись номенклатурные распри.

Занявший в 1985 г. пост первого секретаря ЦК компартии Таджикистана ленинабадец Каххор Махкамов попробовал выпустить пар из котла, предоставив южанам значительную долю ключевых постов в государстве. При нем председателем Верховного совета стал бадахшанец Гоибназар Паллаев, председателем Совета министров был назначен кулябец Изатулло Хаёев, секретарь компартии по делам промышленности и идеологии ленинабадец Абдуррахмон Додобаев был заменен бадахшанцем Шоди Шабдоловым, министерство внутренних дел возглавил бадахшанец Мамадаёз Навжуванов, выходец из Гарма - Бури Каримов возглавил Госплан и одновременно занял пост заместителя председателя Совета министров.

Февраль 1990 г.

Частичное перераспределение власти среди государственной элиты разных регионов на короткое время создало видимость зыбкого умиротворения, но оно было нарушено в феврале 1990 г. Часть южан, в основном из молодого поколения номенклатуры, пожелали большего, чем им предлагалось. Неудачная попытка своеобразного дворцового переворота закончилась митингами оппозиции, массовыми беспорядками и кровопролитием в Душанбе. Его организаторы не предполагали, что народная стихия выйдет из-под их контроля.

События "жаркого февраля" 1990 г. до сих пор скрыты завесой таинственности. Официальное расследование не представило всех имен главных дирижеров, постаралось перенести бремя ответственности на светскую и исламскую оппозицию. Однако наш анализ показывает, что основные нити интриг тянулись в высшие и средние звенья госаппарата. Переворот режиссировали преимущественно выходцы из Гарма и в меньшей степени из Куляба и Бадахшана ([11](#)).

В аналитическом исследовании, проведенном по заказу Верховного совета РФ группой экспертов под руководством Сергея Кургиняна, довольно категорично утверждается: "Управлял мятежом председатель ВС Паллаев, и это доказанный факт" ([12](#)). Таджикские власти не опровергли, но и не подтвердили этого. Бадахшанская община столицы в целом оставалась в стороне от февральских событий. Беспорядки разжигались в основном кулябскими и гармскими мафиозными группировками, но они были лишь исполнителями сценария. После "жаркого февраля" 1990 г. распрощались со своими креслами председатель ВС Гоибназар Паллаев (Бадахшан), председатель Госплана Бури Каримов (Гарм), министр культуры Нур Табаров (Гарм), строгое взыскание получил начальник политотдела МВД Абдулло Хабибов (Куляб). Так или иначе, в те дни проявилась отчетливая тенденция к расколу аппарата по региональному признаку. Теневой политический альянс выстраивался на солидарности части гармской, кулябской и бадахшанской номенклатуры.

Пик политической активности "жаркого февраля" 1990 г. высветил разнонаправленность целей и интересов отдельных групп участников событий, спонтанность массового протеста, расплывчатость представлений о путях выхода из общественного кризиса. В целом антиправительственные выступления не были направлены на разрушение партийно-государственной машины. Тогда речь шла скорее о более широком занятии ячеек в этой системе новым политизированным слоем интеллигенции и аппаратчиками-южанами.

После отставки Паллаева ВС временно возглавил Каххор Махкамов, но, став президентом Республики Таджикистан в ноябре 1990 г., он передал пост председателя ВС выходцу из Гарма Кабридину Аслонову. Советом министров продолжал руководить лояльный к Ходженту кулябец Изатулло Хаёев. Интересы Юга были учтены, однако основные бразды правления удерживал Север.

Осень 1991 г.

Следующий пик политической активности в Душанбе был вызван подавлением антигорбачевского путча в августе 1991 г. Антикоммунистическая кампания из Москвы эхом отозвалась в Таджикистане. Воспрянувшая таджикская оппозиция, в которой к этому времени уже начали лидировать южане, решила покончить с правлением коммунистов, а заодно и с монополией северян на главный пост в государстве.

Если в 1990 г. коммунистам оппонировало лишь надрегиональное национально-демократическое движение "Растохез" ("Возрождение"), то в 1991 г. на политическую арену вышли организации с отчетливой региональной окраской. Активно влившиеся в политическую жизнь Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) и Демократическая партия Таджикистана (ДПТ) отражали в основном интересы и настроения таджиков из юго-восточных районов Припамирья, организация "Ла'ли Бадахшон" ("Бадахшанские самоцветы") - интересы памирцев. Оппозицию поддержала часть аппаратчиков, преимущественно выходцы с юга. Сентябрьские выступления 1991 г. за отставку Каххора Махкамова и запрещение деятельности компартии возглавил председатель ВС выходец из Гарма Кадриддин Аслонов.

Но противники партии, сросшейся с государством, переоценили свои силы. Компартия еще представляла мощную экономическую и управленческую структуру. Требования о ее запрете и конфискации имущества вызвали ответную реакцию. Партийная ленинабадская элита перешла в контрнаступление. Она пожертвовала мягким политиком Каххором Махкамовым, согласившись с его отставкой с поста президента. На смену ему в президентское кресло готовился его земляк и предшественник на посту первого секретаря ЦК компартии Таджикистана Рахмон Набиев.

Вскоре Кадриддин Аслонов был снят с должности председателя ВС. Отступление гармцев и бадахшанцев происходило на фоне консолидации северян Ленинабада и кулябцев. Их союз стал очевиден во время президентских выборов 1991 г. Осенью того года в Кулябскую область начались прямые поставки продовольствия из Ленинабадской области. Куляб и Хождент были объявлены городами-побратимами. Спешно готовилась программа ускоренного социально-экономического развития южного региона. Были прекращены все длившиеся со второй половины 80-х гг. уголовные дела по фактам хищения государственного имущества, приписок, коррупции среди местной кулябской административно-хозяйственной верхушки. Кулябцам открывался простор для действий по захвату доходных мест в соседней с Кулябом Курган-Тюбинской области. Там усиливалась их конкуренция за управление областью с гармскими таджиками.

Осенью 1991 г. начал вырисовываться политический альянс, уже не вписывающийся в простую схему - Юг против Севера. Номенклатурная борьба за власть разворачивалась между блоками - Гарм, Бадахшан, с одной стороны, Ленинабад, Куляб, Гиссар - с другой. Соответственно на президентских выборах в ноябре 1991 г. за Рахмона Набиева проголосовали северо-западные регионы и Куляб на юге, за другого кандидата - бадахшанца Давлата Худоназарова - голосовали Гарм и Бадахшан. Победил Набиев. С его приходом к власти гармцы и бадахшанцы почувствовали себя еще более ущемленными. Ключевые посты перешли к ближайшим соратникам президента, оказавшим ему решающую поддержку на выборах. Северянин Сафарали Кенджаев занял кресло спикера парламента, председатель Кулябского облисполкома Акбар Мирзоев - премьер-министра.

1992 г.

Придя к власти, президент Набиев и его ближайшие сподвижники повели наступление на оппозицию. К весне 1992 г. намечались судебные процессы над Мирбобо Миррахимовым и Шодмоном Юсуповым. Первый возглавлял "Растохез", второй ДПТ. Планировалось приостановить деятельность ПИВТ, сместить не оправдавшего высокого доверия официального главу мусульман республики кази-калона Ходжи Акбара Турадджонзода. Перед лидерами оппозиции и их влиятельными сторонниками из властных структур, которых представляли преимущественно выходцы из Гарма, Бадахшана и Матчи, возникла дилемма - либо подвергнуться гонениям, потерять посты, либо перейти в контрнаступление. Выбрали второе.

Массовую опору находили прежде всего среди своих земляков. Искали поддержку среди аппаратчиков, предпринимателей, уголовных авторитетов. Массы с Юго-Востока откликнулись на зов своих лидеров. Недовольство социально-экономической политикой нового руководства росло в Гармской группе районов и на Памире. В ГБАО продолжал падать и без того самый низкий уровень жизни, оставались невыполненными многочисленные правительственные программы развития

горного края, перед памирцами возникала мрачная картина будущего. В Гарме вновь замаячила тень гигантской плотины Рогунской ГЭС. Крестьяне были возмущены объявленным в марте 1992 г. решением Набиева довести до конца строительство крупнейшей на Вахше гидроэлектростанции. В зону затопления рогунского водохранилища попадали десятки кишлаков, обширные плодородные земли, священные усыпальницы предков. Люди отказывались покидать взлелеянную веками землю. На новых местах их ожидал иной хозяйственный уклад, изнурительный, непривычный труд на хлопковых полях. Жителей Припамирья и Старой Матчи выселяли в хлопководческие засушливые степи еще в 30-е - 60-е гг. Память об этих кампаниях насильственного перемещения, связанных с ними лишениях и невзгодах сохранялась среди горцев. Росло недовольство условиями жизни среди мухаджиров (горцев, переселенных в долины).

Свои цели, поддерживая оппозицию, преследовали чиновники, предприниматели, мафиозные лидеры родом с юго-востока республики. Разворачивалась приватизация государственной собственности.

В апреле 1992 г., воспользовавшись как поводом намечавшейся отставкой отнюдь не демократически настроенного министра внутренних дел, бадахшанца Мамадаёза Навжуванова, оппозиция перешла в контрнаступление. Власть предрешающие и их противники всю включили испытанные механизмы мобилизации масс: аппаратные, родственные, земляческие, религиозные. Тысячи людей начали стекаться из различных регионов в столицу - г. Душанбе.

Митинги апреля-мая на столичных площадях Озоди ("Свободы") и Шахидон ("Жертв, павших во время событий 1990 г.") продемонстрировали четкий раскол общества по земляческому признаку. Собравшиеся на первой площади выражали интересы номенклатурного альянса Ленинабада, Гиссара и Куляба, на второй своими земляками дирижировали аппаратчики и лидеры оппозиции в основном из Гарма, Бадахшана и Матчинского района Ленинабадской области.

По мере накала страстей шло деление и в рядах партий. Из проправительственной компартии усилился отток гармцев. В свою очередь десятки кулябских членов оппозиционной Демократической партии Таджикистана начали переходить на площадь Озоди, а к маю кулябская организация ДПТ вышла из состава партии. Ее лидер Курбон Худоёров демонстративно сжег на площади Озоди членский билет Демпартии (13). Бывший член ДПТ Мирзо Самиев возглавил бригаду особого назначения и отдельный батальон при президенте. Эти подразделения оказались сформированы в основном из кулябских таджиков. Одновременно из ДПТ шел отток северян. Ее покинули заместитель председателя Ленинабадской областной организации Р. Файзиев, член правления и президиума ДПТ Н. Сайвалиев, заместитель председателя партии Абдулло Очилов. В спешном порядке Сайвалиев и Очилов в марте 1992 г. занялись созданием проправительственной Республиканской партии Таджикистана (14). Обострялись разногласия внутри движения "Растохез". Жесткие антиправительственные позиции руководства движения все чаще подвергались критике со стороны его кулябских членов. Полностью на сторону правительства перешло кулябское общественно-политическое движение "Ошкоро" ("Гласность"), ранее поддерживавшее тесные отношения с ДПТ и "Растохезом".

Помимо раскола политических организаций шло деление по местническому признаку в правоохранительных органах - прокуратуре, комитете национальной безопасности, но особенно сильно в милиции. Подавляющее большинство сотрудников органов внутренних дел родом из Бадахшана и гармской группы районов встали на сторону оппозиции.

Не осталось в стороне от процесса субэтнического дробления и духовенство. Против возглавляемой гармцами ПИВТ и поддержавшего ее кази-калона Ходжи Акбара Тураджонзода выступили духовные авторитеты Кулябской и Ленинабадской областей - мулло Хайдар Шарифзода и Ходжи Муслихитдин Мукоррамзода. Их поддержала значительная часть мулл Гиссарской долины. Лидеры мусульман враждующих регионов начали претендовать на то, что именно они представляют настоящий ислам (15).

В ряде регионов и прежде всего в Курган-Тюбинской области крупные колхозы и совхозы распались на более мелкие коллективные хозяйства также по земляческому признаку.

Таким образом, в республике к маю 1992 г. тенденция к региональному расколу общества проявилась наиболее четко. Но политики не остановились и подтолкнули страну к братоубийственной региональной войне. Таджики начали убивать друг друга по субэтнической принадлежности.

В мае с помощью силового давления исламско-демократическому блоку (союзу ПИВТ, ДПТ, "Растохеза" и организации "Ла'ли Бадахшон") удалось получить 1/3 мест в правительстве. Новыми министрами оказались преимущественно выходцы с Юго-Востока. Со своего поста был смещен спикер парламента северянин Сафарали Кенджаев. Его кресло занял бадахшанец Акбаршо Искандаров. Осенью тому же блоку удалось захватить власть в Курган-Тюбинской области. Его представители начали лидировать в администрации и правоохранительных органах. Председателем областного исполкома был назначен бывший опальный спикер парламента выходец из Гарма Кадриддин Аслонов. Значительно пошатнулись позиции местных аппаратчиков родом из Куляба, Ходжента, Гиссара. Один за другим теряли свои высокие посты их влиятельные покровители в столице. В начале осени ленинабадско-кулябский альянс вовсе лишился былого представительства в верхних эшелонах власти. После "принудительно-добровольной" отставки президента Рахмона Набиева первым лицом в республике стал Акбаршо Искандаров. Сложил с себя полномочия премьер-министр Акбар Мирзоев.

Но к тому времени единого Таджикистана уже не существовало. Страна еще в начале лета раздробилась на самостоятельные территории. Ленинабадская и Кулябская области превратились в отдельные государства. Власть в них сконцентрировалась в руках председателей областных исполкомов. В Кулябе ее сосредоточил Курбон Мирзоалиев, в Ходженте - Джура Шокиров. Предприятия республиканского подчинения были объявлены собственностью областей, был приостановлен вывоз сырья и товаров, создавались собственные вооруженные силы, которые вместе с милицией непосредственно подчинялись председателям областных исполкомов. Главы местной администрации отказались выполнять какие-либо распоряжения из Душанбе и решили сами наводить порядок в своих вотчинах и за их пределами. Подобная картина наблюдалась и в районах Гиссарской долины (16).

Осенью 1992 г. сформированные в удельных княжествах вооруженные отряды Народного фронта повели наступление на вооруженные группировки исламско-демократического блока. Решающее значение в успехах Фронта сыграла его поддержка Россией и Узбекистаном.

К концу года исламско-демократический альянс потерпел военное поражение. Политический маятник вновь качнулся в обратную сторону. Ответный ход со стороны ленинабадско-кулябской группировки последовал на 16-й сессии ВС Республики Таджикистан, прошедшей близ Ходжента в ноябре-декабре 1992 г. Гармцы и бадахшанцы оказались почти полностью отстранены от рычагов власти, им не досталось практически ни одного ключевого поста. Отдельным их представителям "было разрешено" занять лишь второстепенные должности в правительстве и парламенте.

Такого нарушения баланса региональных интересов не наблюдалось ни в правление Каххора Махкамова, ни при власти Рахмона Набиева. Маятник слишком отклонился от центра.

1993-1995 гг.

На рубеже 1992-93 гг. очаги сопротивления оппозиции были полностью подавлены в Ленинском районе близ Душанбе, Гиссарской долине, в Матче и Курган-Тюбинской области. В Кулябе с исламской оппозицией жестоко расправились еще весной 1992 г.

Сотни тысяч беженцев из долин, в основном гармцы и бадахшанцы, двинулись в Афганистан, гармскую группу районов и на Памир. Часть бежала в Россию и другие республики СНГ.

Отступавшая исламская оппозиция зимой 1992-1993 гг. попыталась укрепиться в горах Припамирья, объявила о создании там Гармской исламской республики, однако вскоре была вытеснена в Афганистан проправительственными силами. Тем не менее Гармская зона до сих пор не контролируется в полной мере душанбинскими властями, остается базой повстанческого движения. Действия местных вооруженных групп координируются Движением исламского возрождения Таджикистана (ДИВТ).

Другой очаг нестабильности - ГБАО. Отряды самообороны Бадахшана блокируют ввод на его территорию правительственных сил. Часть полевых командиров поддерживает не склонную к сотрудничеству с ДИВТ местную администрацию, часть - в основном из суннитских районов ГБАО, - напротив, подчиняется руководству исламской оппозиции (17).

В целом гармцы и бадахшанцы с 1993 г. оказались отстранены от участия в принятии важнейших политических и экономических решений на государственном уровне, а также от передела собственности.

На рубеже 1992-1993 гг. верхушка пирамиды власти в Таджикистане начала восстанавливаться, но альянс победителей поспешил распределить ключевые должности в первую очередь между "своими". Пост президента был отменен. Кресло премьер-министра занял лидер ленинабадцев Абдумалик Абдуллоджанов, спикера парламента - выходец из Куляба Эмомали Рахмонов. Их союзники из Гиссарской долины получили более широкий доступ к финансовым и торговым структурам. Аппетит гиссарцев, требовавших объединить районы Гиссарской долины в Гиссарскую область, удалось умерить, назначив их лидера Джамолиддина Мансурова мэром г. Душанбе. Ленинабадцы начали контролировать экономику и внешние связи, кулябцы - силовые структуры. Последние настояли также на слиянии Кулябской области с Курган-Тюбинской и во вновь образованной на их основе Хатлонской области заняли ключевые административные посты.

К осени 1993 г. в стане властвующих союзников наметились серьезные трения. Они отразились в процессе формирования новых политических объединений - Партии национального единства и Народной партии Таджикистана. Их цели и задачи не противоречили друг другу и во многом были схожи, но они выражали интересы различных региональных группировок официоза. За первой стояли прагматики - возглавляемая Абдуллоджановым политическая и экономическая элита, преимущественно с Севера, за второй - идеологи-консерваторы во главе с первым заместителем председателя ВС, кулябцем Абдумаджидом Достиевым.

Внутренняя борьба разворачивалась за средоточие властных полномочий на верхушке государственной пирамиды. В Средней Азии Республика Таджикистан оказалась единственной страной без президента. Жизнеспособность возникшей там в конце 1992 г. системы власти вызывала большие сомнения. С самого начала не были четко определены и закреплены полномочия председателей Совета министров (СМ) и Верховного совета. Поспешные договоренности при распределении главных государственных постов на 16-й сессии ВС впоследствии привели к большой неразберихе. Произошло обычное - смешение законодательных и исполнительных функций, проявились попытки сконцентрировать полноту власти в парламенте (ВС) или в правительстве (СМ).

В первой половине 1993 г. премьер-министр Абдумалик Абдуллоджанов обладал очень важным в условиях Таджикистана правом - снимать и назначать областное и районное руководство. В политической жизни республики позиции председателей исполкомов областей, районов и крупных городов играют подчас решающую роль. Однако вскоре на такие полномочия начала претендовать верхушка парламента. Сильной власти премьер-министра не получилось.

К концу 1993 г. обострились разногласия относительно темпов и методов реформ, в частности о путях приватизации. В ВС и СМ, отражавших разные групповые и региональные интересы, точки зрения по экономическим проблемам часто не совпадали. Лидировавшие в правительстве ленинабадцы лучше всех воспользовались предоставившейся возможностью обогащения. Наиболее

благоприятное социально-экономическое положение сохранялось в их родной вотчине. Куляб так и не получил ожидаемых крупных финансово-материальных вливаний для стабилизации местной экономики. Абдуллоджанов и его окружение контролировали внешние связи, получение и распределение внешних кредитов и гуманитарной помощи. Кулябцы отчасти захватили освободившиеся ниши в сфере мелкого и среднего бизнеса. Однако они, впрочем, как и парламент в целом, не контролировали экспортно-импортные операции, крупные коммерческие проекты, движение денег, их перекачку из государственного в негосударственный сектор экономики.

Накануне 18-й сессии ВС, осенью 1993 г., команда Абдумалика Абдуллоджанова поспешила ускорить темпы разгосударствления собственности. В свою очередь Президиум ВС издал указ о запрете работы по совместительству для лиц, занимающих посты в органах государственной власти. Им запрещалось участвовать в предпринимательской деятельности. Указ явно задевал интересы самого премьера, его окружения и влиятельных родственников, в частности предприимчивого председателя Ленинабадского облисполкома Абдужалила Хамидова. Дело принимало крутой оборот с уголовным оттенком. В конфликт была вовлечена прокуратура.

Вопреки многим ожиданиям конфликт разрешился полюбовно. Ленинабадцы и выходцы из кулябского региона обойтись друг без друга все же не могут. Как указывалось выше, в руках промышленного Севера остаются солидные внешние связи, экономические рычаги. В свою очередь кулябцы и отчасти гиссарцы в значительной степени пополнили силовые ведомства и участвуют в подавлении вооруженной оппозиции. К тому же, как уже упоминалось, Ленинабад, Гиссар и Куляб связаны общими экономическими интересами.

На 18-й сессии ВС в декабре 1993 г. Абдуллоджанов подал в отставку, но правящий региональный альянс сохранился. Новым главой правительства был назначен его первый заместитель и земляк Абдужалил Самадов. Сохранился и прежний Президиум ВС. Однако власть предрержащие ощутили непрочность существовавшей системы правления. В ней отсутствовала центральная объединяющая фигура - президент. В конце 1994 г. республика получила своего третьего президента. Им стал Эмомали Рахмонов. В целом 1994 г. не принес существенных перемен в региональный расклад сил. "Ущемленными", как и прежде, остались Гарм и Бадахшан, куски от пирога власти делили Куляб, Гиссар и Ленинабад.

В 1995 г. в число "ущемленных" попали и ленинабадцы. Проявилась тенденция их сближения с бадахшанцами. Кулябская элита протянула руку гармской номенклатуре.

* * *

Таким образом, как следует из вышеизложенного, региональные противоречия и проблемы явились важнейшей и определяющей чертой таджикского конфликта 90-х гг. Вплетенные в него корпоративные и клановые интересы играли второстепенную, подчиненную роль.

Ошибочно рассматривать таджикский конфликт как в первую очередь борьбу исламского движения или демократических сил против коммунистического режима. Такой упрощенный подход еще нередко встречается в научных и публицистических работах, пропагандируется оппозицией.

Региональный фактор вышел на первое место и продолжает доминировать в общественных процессах этой центральноазиатской республики. Здесь сложились такие правила политической игры, при которых идеология или теории развития не играют существенной роли. Все политические альянсы и партии, за исключением коммунистической, носят региональную окраску, а то и прямо выражают интересы того или иного региона (18).

Запрещенное оппозиционное движение "Растохез" раскололось по региональной принадлежности и практически сошло с политической арены. Невлиятельны разбитая на фракции Демократическая партия и сохраняющаяся в ГБАО организация "Ла'ли Бадахшон". Реальной хорошо организованной военно-политической силой остается Движение исламского возрождения Таджикистана, в которое

влилась исламская партия. Но и оно не лишено региональной окраски, поскольку объединяет преимущественно таджиков из гармской группы районов и отчасти из Матчи, Куляба, Дарваза, Ванча и Калаи-Хумба. К тому же оппозиционные силы моноэтничны - состоят из таджиков. Реальность такова, что в Таджикистане идет борьба прежде всего местных элит за собственные интересы и процветание своих вотчин. Эта борьба жестока, поскольку у государства нет сил и средств на поддержание всех областей и районов. Ее отчаянность диктуется увеличивающимся дефицитом земельно-водных ресурсов на фоне ускоренного прироста населения. Для отдельных территорий вопрос встает просто о выживании (Бадахшан, Гарм, Куляб). Лидеры победивших регионов начинают диктовать политические и экономические условия побежденным с целью развития в первую очередь своих местностей за счет других. Руководители исполнительной, законодательной и судебной властей отбираются по принадлежности к тому или иному землячеству, по личной преданности президенту или первым лицам в государстве, но отнюдь не по их компетентности и профессионализму.

С точки зрения урегулирования таджикской междоусобицы региональный расклад в структурах власти к началу 1995 г. оставался неутешителен. Возможно, ситуация смягчилась бы, если бы бадахшанская и гармская номенклатуры получили в них большее представительство. Такая тенденция обозначается. Но и это еще не решение конфликта.

Требует пересмотра система территориально-административного подчинения и управления, которая в основном в прежнем виде сохранилась в Конституции 1994 г. Видимо, следует децентрализовать власть Советов с целью более полного соблюдения местных интересов. Наделение местных низовых органов власти достаточно сильными полномочиями должно сопровождаться ограничением функций властных органов областного уровня, четким разграничением компетенции органов территориально-административного управления всех уровней. Пока же их функции смешаны, и они нередко дублируют друг друга. Основные полномочия сосредоточиваются на областном уровне.

Альтернативная система, базирующаяся отчасти на принципах европейской смешанной системы местного управления, сможет ослабить вышедший на первый план региональный фактор во внутривластной жизни Таджикистана. С ее помощью удастся избежать рецидивов взаимного блокирования центральных и областных властей, как то наблюдалось в 1992 г. на примере отношений Душанбе с Кулябской и Ленинабадской областями. Реформа системы территориально-административного управления в плане усиления местных низовых и средних органов власти диктуется вековыми традициями общинного самоуправления, слабой национальной интеграцией, политической активностью властных структур на уровне областей и районов республиканского подчинения, питающих центроостремительные силы.

И, наконец, для мира в Таджикистане требуется серьезная долговременная программа стратегического развития, учитывающая мировой опыт комплексного решения социально-экономических и экологических проблем. В ней непременно должны быть учтены интересы, проблемы и разумные возможности всех регионов республики, духовно-культурные и хозяйственные традиции, психология людей, их населяющих. Таковой пока нет, хотя научная мысль Таджикистана работает в этом направлении, как и в направлении административно-территориального реформирования. Это дело будущего. Пока же местные элиты делят власть и занимаются лишь политикой, не осознавая, что эта важнейшая для них сфера - всего лишь отражение взаимосвязанных глубинных процессов бытия.

1. См.: Состояние природной среды Таджикской ССР в 1989 г. Доклад. Госкомитет Таджикской ССР по охране природы. Душанбе, 1991; Проблемы развития и размещения производительных сил Таджикистана. Под ред. Мирзоева Р.К. Душанбе, 1988.

2. Последние официальные данные об итогах конфликта к концу 1994 г. приводятся по материалам газеты "Солдат России", 1994. 1 октября. No. 65. (Печатное издание 201-й российской мотострелковой дивизии, расквартированной в Таджикистане). Цифры неофициальных источников

другие. Например, по данным Фонда помощи таджикским беженцам и переселенцам "Умед" ("Надежда"), число покинувших Таджикистан с 1990 г. приближается к 1,5 млн. человек. Около 300 тыс. человек погибло в ходе военных действий. Цифры впечатляющие, если учесть, что до гражданской войны в республике проживало 5,6 млн. человек.

3. Основные показатели уровня жизни были самыми низкими в Таджикистане еще во второй половине 80-х гг. См.: Aziz Niyazi. *Tajikistan // Central Asia and the Caucasus After the Soviet Union: Domestic and International Dynamics*. Ed.: Mohiaddin Mesbahi. University Press of Florida, 1994. P. 164-190.

4. На эту важнейшую особенность общественной жизни Таджикистана обращают внимание и зарубежные, и таджикские исследователи. См.: Roy Olivier. *The Civil War in Tajikistan: Causes and Implications*. Washington: United States Institute of Peace, 1993; Rubin Barnett. *The Fragmentation of Tajikistan // Survival*, Vol. 35. No. 4. Winter 1993-94. P. 71-91; Олимов М. Об этнической и конфессиональной ситуации в Таджикистане // *Восток*. М., 1994. No. 2. С. 79-88.

5. Данные по регионам приведены на основании материалов: Статистические ежегодники - Народное хозяйство Таджикской ССР (1989, 1990). Душанбе, 1991; Народное хозяйство Республики Таджикистан - 1991 г. Душанбе, 1992; Проблемы развития и размещения производительных сил Таджикистана. Душанбе, 1988.

6. В Канибадамском районе Ленинабадской области известен крупный древний кишлак Пулотон. Он считался одним из центров образованности в регионе культурного влияния Худжанда (Ходжента) и Ферганы. Из разных краев приходили туда люди постигать традиционные науки. Около 200 ученых и общественных деятелей он дал в годы советской власти. Корни многих представителей ленинабадской номенклатуры тянутся в Пулотон. Интересно, что и среди кулябской элиты с Юго-Востока Таджикистана нередко встречаются люди, чьи предки были родом из Канибадама или непосредственно из кишлака Пулотон.

7. Aziz Niyazi. *Das Roguner Wasserkraft in Tajikistan: Politische Aspekte. Oekologische Situation und Umweltkonflikte auf dem Gebiet der ehemaligen UdSSR: Zentralasien und Russland // Arbeitspapier 027*. Berlin: Institut fur Internationale Politik, September 1994. P. 31-39.

8. Подавляющее большинство мусульман Таджикистана - сунниты ханифитского мазхаба (толка). Сунниты проживают и в западной части ГБАО. Это жители Калаи-Хумба, Ванча, Дарваза. К востоку и югу от Язгулема расселены исмаилиты. Это жители районов Мургаб, Шугнан, Рушан, Бартанг, Вахан, Ишкашим и др. местностей.

9. "Север" и "Юг" - термины, часто используемые в научной и публицистической литературе о Таджикистане, - условные. Под "Севером", как правило, подразумевается Ленинабадская область, т.е. северо-запад республики, под "Югом" - преимущественно ее юго-восточная часть - Кулябская зона, Гармская группа районов, ГБАО. Соответственно под "северянами" имеют в виду ленинабадцев, под "южанами" - гармцев, каратегинцев, кулябцев, бадахшанцев. Коренные таджики из западно-центральной части республики не относятся ни к "северянам", ни к "южанам". Под термином "гармцы" в тексте имеются в виду жители Гармской группы районов - таджики Гарма, Каратегина, Таджикабада, Файзабада и других местностей.

10. Чароги руз. 1992. Февраль. No. 7.

11. Непосредственным поводом для массовых антиправительственных выступлений послужили слухи о внеочередном выделении жилья для прибывших в Душанбе и его пригороды армянских беженцев. На несколько дней стихия захлестнула столицу. Мирные митинги чередовались с погромами правительственных зданий, магазинов, гостиниц, поджогами автомобилей, избиениями, изнасилованиями. В беспорядках участвовали тысячи людей, в основном таджикская молодежь. Антиправительственные выступления были подавлены армейскими подразделениями. Десятки людей погибли, сотни получили ранения. Подробный анализ событий "жаркого февраля" приведен в статье: Niyazi Aziz. *Tajikistan in 1990: the Year under the Symbol of Turmoil*. - *State, Religion and Society: Post-Soviet Criticism*. Ed.: Vitaly Naumkin. Ithaca, Reading, 1993.

12. Голос Таджикистана. 1993. 11-17 августа.

13. См.: Народная газета, 1993. Июнь. No. 82.

14. См.: Народная газета. 1992. 24 марта; 1993. 1 июля.

15. Следует согласиться с выводом российского исламоведа А.В. Малашенко, что принадлежность противоборствующих сторон к общей конфессии не снизила остроту конфликта в Таджикистане, а

- наоборот, еще больше ожесточила его. Там "ислам по существу превратился в объект борьбы между различными этническими группами, региональными кланами, политическими партиями", - пишет ученый. (Малашенко А. Конфессия в этнополитических отношениях в СНГ. В кн.: Постсоветское мусульманское пространство: религия, политика, идеология. М., 1994. С. 79).
16. См.: Хакикати Лениабод. 1992. 21 июля; Кулябская правда. 1992. 14 октября.
17. Подробнее об исламском движении Таджикистана см.: Кудрявцев А.В., Ниязи А.Ш. Политический ислам: начало 1990-х гг. В кн.: Современный ислам: культура и политика. Отв. ред. Наумкин В.В. Институт востоковедения РАН, Российский центр стратегических и международных исследований. М., 1994. С. 95-128.
18. Компартия Республики Таджикистан остается единственной массовой и интернациональной политической силой. Ей удалось избежать регионального раскола, ее руководство критически настроено к проявлениям местничества среди властвующей элиты. Остальные официально действующие партии - Партия национального единства, Народная партия Таджикистана и Партия экономического и политического обновления - немногочисленны, выражают интересы официоза и коммерческих структур соответственно из Лениабада, Куляба и Гиссара.